

Т. А. Б е р н ш т а м

**Совершеннолетие девушки в метафорах
игрового фольклора
(традиционный аспект русской культуры)**

В народной традиции восточных славян *пора* совершеннолетия продолжалась в среднем от одного года до пяти лет для обоих полов (здесь и далее курсивом выде-

лены народные термины). Ее начало определялось суммой нормативных признаков достижения статуса девушки / юноши («невеста» / «жених»), а продолжительность зависела от брака и варьирующихся этнорегионально и локально представлений о конце этого возраста (независимо от брака).

В течение поры совершеннолетия все групповые и индивидуальные (парные) формы поведения молодежи во всех жизненных ситуациях — трудовых, бытовых, ритуальных, праздничных — назывались в сельском коллективе *игра*. Сама молодежь использовала этот термин лишь для внутригруппового общения, и главным образом для названия его развлекательной части, в большей или меньшей степени ритуализированной: «И г р а - ж ты моя, игра. . . / Мне игра не доигрына, / Шуточка не дошучена, / Танóчек не довожен, / Милый друг не провожен» (разрядка здесь и далее в цитатах наша. — Т. Б.).¹ В русской возрастной лексике существовали и специальные названия молодежи, производные от понятий «игра», «забава».² Бытование слова «игра» в качестве названия поведения в пору совершеннолетия позволяет назвать им и самый период, т. е. в р е м я и о б р а з ж и з н и, переходное состояние, полный цикл которого молодежь проживала в течение календарного года и воспроизводила ежегодно до вступления в брак (или безбрачного выхода из возраста совершеннолетия). Игра в ритуальном контексте жизни общинного коллектива мифологизировала причастность молодежи к процессам стадии молодости космобиологического мира, чем обуславливались как особая роль ее ритуальных функций в трудовом календаре, так и специфика внутригрупповой жизни.

Согласно природным изменениям обособленная — групповая — игра молодежи происходила в двух пространственно-временных измерениях: на о т к р ы т о м в о з д у х е (весна—лето) и в з а к р ы т о м п о м е щ е н и и (осень—зима); начало игры относилось к весеннему периоду: «Весна пришла, и г р а п о ш л а»: все на улице.³ В южнорусских традициях места весенних гуляний и самые гуляния назывались *улица*.⁴

Соответственно этим двум сезонам обязательные (для той или иной локальной традиции) — ритуализированные — формы игры совершались в рамках либо хоровода, либо посиделки; хоровод, однако, был универсальной игровой организацией, так как он составлялся и на

посиделке специально для песенно-плясовых и драматизированных комплексов — игр в узком (современном фольклорном) значении. Приуроченность начала игры к весне отражала идею космосоциального единства возрастных процессов — природы и людей: рождение (возрождение) — рост (достижение зрелости / спелости) — плодоношение (вступление в брак). Замечается тесная связь раннего этапа весеннего цикла с женским началом (ведущая обрядовая роль женщин в стимуляции удачной весны — призывы, кормления, очищение и т. д.), вследствие чего «разыгрывание» пробуждения и расцвета растительности происходило в девичьем хороводе, в котором участие парней увеличивалось постепенно (на протяжении весны). Расширение сферы пространственного перемещения хоровода — от улицы села до «диких» мест за селением или несколькими, нарастание активной роли парней в играх и, наконец, слияние в едином хороводе молодежи многих сел, составляющих максимальное общинное единство, — т. е. организация игрового макросоциума, — происходили по мере приближения к летнему солнцевороту.

В растительной символике весеннего периода игры сконцентрировались представления о состоянии и поведении девушки в пору совершеннолетия. По сути, весь комплекс хороводных игр — в их организации, последовательности, в сюжетике и мелосе песен, в движении и хореографической пластике и т. п. — это ритуальное поведение (в той или иной степени деформации) с «переходной» семантикой; иначе говоря, игра может рассматриваться как отчасти деритуализированная система переходных обрядов совершеннолетия. Под этим углом зрения этнические и локальные различия игровой культуры у восточных славян не так существенны, как типологически сходные признаки, несомненно восходящие к общеславянскому наследию. В число этих признаков входит и метафорическая система (возрастной символизм) с преобладанием растительных образов в переходных обрядах девичьего совершеннолетия. Наиболее полно изученный нами русский материал лег в основу данного исследования, украинские и белорусские параллели приводятся по мере надобности.

В репертуаре весенних игр восточных славян обращают на себя внимание три общих и устойчивых по песенным сюжетам игры с зачинами: *Посею я маку, Просо*

сеяли, Уж мы (я) сеяли(а) ленок. (К сожалению, мелодика песен, кроме *Просо*,⁵ не изучена). Песни и игры различаются по содержанию, исполнению (включая движение, построение), растительным образам-символам и их, так сказать, аграрной значимости (а следовательно, и мифологической интерпретации). Однако в них содержится смысл, объединяющий и выделяющий из всего растительного символизма весеннего песенно-игрового цикла, а именно — получение от сеяния желаемого результата: мака, льна и девушки. В каждой из песен указаны самые общие правила поведения, необходимые для удачного исхода «сеяния», в сумме сводящиеся к следующим, дополняющим друг друга действиям: а) злаки должны сеять сами девушки (или «сеятель» — мужчина: *Мак*); б) за посеянными надо следить: отмечать последовательный ход роста (*Мак*), оберегать от порчи, уничтожения (*Просо*); в) урожай вовремя и умело собрать (*Лён*). Детальную картину «сеяния-роста», символизирующих пору совершеннолетия девушки, свойств и правил поведения в этом возрасте, требуемых для нормального созревания, избегания опасностей и благополучного выхода из него (замуж), мы выявили при анализе игрового фольклора в широком обрядовом контексте.

Начнем с устойчивых в обрядовой символической, в том числе и в игровом фольклоре, растительных образов девушки, предстающих через метаязыковую функцию — раскрытость метафор и символического параллелизма. Растительные образы-символы разделяются на две крупные группы по признаку места произрастания — в культурном (сад—огород) или диком пространстве; в каждой из групп выделяются подгруппы, особенностях которых будем говорить в процессе изложения. Заметим лишь, что основной признак группового разделения уже содержит качественную оценку как бы изначальных свойств статуса и поведения девушки в оппозициях: безопасный—опасный, чистый—нечистый, правильный—неправильный и др.

В «культурной» группе первую подгруппу составляют садовые растения, которые девушка сеет/сажает сама: цветы — роза, рута, мята; ягоды — земляника, малина, смородина; деревья — яблоня / груша. Собираемый термин-символ этой подгруппы — *сады*; помимо фольклорного образа имелось и понятие в возрастной терминологии: *идти в сад* — хорошо расти, входить в пору

совершеннолетия.⁶ Микропространство садовых растений — собственно девичье: на Украине и в Белоруссии девушка имела свой «сад», в котором высаживала цветы (растения), обязательные для свадебного обряда,⁷ растения произрастали около дома, находились под неусыпным надзором хозяйки и в минимальной степени были подвержены воздействию со стороны — стихийному или человеческому, вследствие чего их рост и созревание проходили благополучно. Садовые растения символизировали такие свойства девичьего статуса, как красота-сладость, спокойствие (бесстрастность), чистота, определяющие непорочное поведение в кругу подруг и идеальный вариант выхода замуж — по любви. Приведем примеры песен, исполнявшихся сугубо в девичьем хороводе, содержащих также мотивы идентификации в группе. «В среду рано я сады посадила. . . / Я сады поливала. . . / Я сады укрывала. . . / Я веночек совивала» (сестра выбирает брату невесту по любви);⁸ «Кабы у меня был сад в огороде, / Я бы умела / Вкруг сада ходити. . . / Холстом укрывала. . . / Водой-медом поливала» (выбирает сестре «младого» по любви или мать отдает дочь за молодого);⁹ «А ми рутоньку посіем. . . / Пополем. . . / Нарвемо. . . / Віночки сплетемо, / Девочек вберемо»;¹⁰ «Я посею траву-мяту / Коло своей хаты»: не ходи (чужой), не топчи → я садила-поливала для милого.¹¹

Если садовое растение все же оказалось «испорченным» или выросшим не на своем месте (не в саду), значит, девушка не уследила за ним — неосторожно вела себя: «Червоня роза, не стой на дорозе. . . / Кто идет — ломаєт, щиплет»: милый соблазнил девушку;¹² «Под горою (на горе) яблонька росла — не выросла, // Цвела — не выцвела»: девушку слишком рано отдали замуж, по неволе.¹³

К подгруппе огородных растений относятся овощи, в игровом фольклоре обычно — капуста, лук-чеснок. В противоположность садовым они символизируют естественное для данного возраста, но небезопасное для девушки состояние любовной страсти (возбуждение), склоняющее ее к своеволию, свободному поведению. Песни с этими образами — плясовые, что дополнительно свидетельствует о возможности «греха»: на игровом языке пляска — *скаканія* — символизирует «брак». «Сажу-сажу капусту. . . / Кому надо — приходите торговать»; у Дуни новый огородец, в нем капуста: девушка гуляет;

девушка садит-поливает капусту → гуляет с милым и матери ее «не унять».¹⁴ Эротизм этих символов используется в украинском и белорусском обрядовом фольклоре, в частности свадебном и масленичном: «Їйте, бояри, капусту. . . / Сама Оксана садила, / Раненько вставала, / Капусту поливала» (брачный пир); молодица сеет лук / чеснок, продает козла, покупает «краски» (белила-румяна) и изменяет мужу.¹⁵ Овощам постоянно угрожают козел и заяц: «Козелок повадился в огород. . . / Кочеточки поглодал — девушку целовал»; козел вытоптал лук / чеснок; «Заинька, где вечер был? — / В огороде капусту ломал».¹⁶

Эта оппозиционная садовой подгруппе символика связана с качественно иной семантикой локуса: огород — не сугубо девичье место; сеяние / сажание овощей — трудовая функция женщин, сопровождавшаяся эротическим обрядовым поведением с магией плодородия: обегание грядок или сидение на них нагишом с соответствующими приговорами; одни овощи, в частности капуста (репа, редька), предстают как женские символы, другие — как мужские (см. далее) или двуполые символы. Женская огородная функция допускала участие девушек, но после этого требовалось магическое очищение от «греха».

В группе «диких» растений также различаются две подгруппы: к первой относятся злаки — земледельческие культуры, произрастающие в окультуренном пространстве, ко второй — свободно растущие растения: травы, цветы, кустарники, деревья; собирательный термин этой подгруппы — *роща* (рус.), *куст* (бел., укр.).¹⁷ В обрядовой символике растения обеих подгрупп (кроме кустарников, деревьев) и могли быть посеяны человеком, в первую очередь — девушкой, и зародиться самостоятельно. В любом случае дикие растения более подвержены опасностям различного рода и на метафорическом языке их сеяние/рост раскрывают сложную гамму эмоциональных состояний девушки, создания условий и соблюдения правил поведения, необходимых для благополучного прохождения через «испытания» игры. Поскольку основным испытанием являлся эротический искуc — отношения с парнями, то прежде чем перейти к анализу поведенческой системы, мы остановимся на растительной символике юношеского совершеннолетия.

Фольклор и обряды не дают оснований для выделения устойчивых растительных образов, в том числе и со-

бирательных, для парней, — во всяком случае, садовых растений.¹⁸ Из огородных используются главным образом хрен и хмель, но чаще они не являются прямыми метафорами, а символизируют оттенки состояния молодца в его холостом (или брачном) статусе, а также отношения с девушками. Парень никогда не сажает эти культуры. Так, хрен либо сажает мужчина (и ухаживает его жена), либо он вырастает сам: «Уж ты, хрен. . . / Садовой. . . / Кто тебя сажил? — / Сажил меня Иван, / Поливал Селиван. / Селиванова жена / Всю ночь не спала, / Хрен усаживала, / Угораживала», «Ах ты, хрен мой, хрен! / Что не я тебя сажал. . . / Хрен сам взрос».¹⁹ Хмель сеют либо девушки, либо он также произрастает самостоятельно. Его символическая роль — устроить брак, о чем девушки «приговаривают» при посеве, а парни заклинают дикий хмель перевестись к ним «в огород»: «Сеяли девушки яровой хмель, / Приговаривали: — / Расти, хмель, по тычинке в день / Без тебя, хмельюшко, молодые ребята не женятся»; «Передайся (родись, вейся), хмель, на мою сторону (через тын в сад)»: молодец жалуется матери, что все друзья женаты, кроме него.²⁰ В белорусском фольклоре «хмель с тычинкою» — символ брачного союза: «Звіўся хмель з тычинкаю, / Злюбіўся Паўлюська з Матрункаю».²¹ Хрен и хмель опасны для девичьей невинности: в игре они олицетворяют любовное желание и безрассудное поведение девушки. «Уж ты, корень, мой корень (эквивалент хрена. — Т. Б.), / Корешок садовый, / Разыгрался этот корень / У девицы в лице»: «разжигает» парня целоваться; в песне с зачином «Хрен мой, хрен» девушка ходит в одних чулках и без пояса — символика «греха»;²² «Хмелинушка, хмелина. . . / Не ходи мимо сада. . . / Худу славу не клади. . . / Никто замуж не возьмет. / Хоть посватается, да взять откажется» (вариант: «мне не честь — отцу-матери позор»); «Никогда меня хмелина не разаймывала. . . / Разняла меня хмелина, / Полюбил бравый детина».²³ Песни *Капуста, Хрен и Хмель* часто входили в число наборных хороводных игр с участием парней, в которых происходило символическое «переjuvenивание» всех участников.

В единичных случаях молодец сеет полевые цветы, главным образом ромашку — *рамон*: «По саду молодец рамон рассевал».²⁴ В качестве растительного символа парня-жениха ромашка используется в белорусском свадебном фольклоре: «Да у нашым сяле тры вуліцы: — /

Ружа лялею — то дзевачкі, / Рамон бялее — 'то малойчыкі». ²⁵ Однако ромашку, как и другие полевые цветы (например, васильки), чаще сеет девушка (иногда — женщина): «Ой, посею я рамоню», «Сеяла ироман (вариант: вопроман, войроман), / Садила васильки». ²⁶ Использование полевых растений для мужской символики может свидетельствовать, на наш взгляд, как об андрогинизме диких растений (проявление ими разной «половой» природы, их стихийной непредсказуемости), так и о деформации игровой культуры, сопровождающейся переносом метафор на представителей других полов.

Вернемся к группе диких растений и поведенческому комплексу девушки, с ними связанному. Он раскрывается в основном на сеянии — росте злаков — м а к а, л ь н а / к о н о п л и, п р о с а.

Прежде всего эти культуры олицетворяют в растительной символике волосы / косу и в конечном счете — саму девушку. Помимо свадебного обряда, дающего, как известно, наиболее представительный и яркий материал об этих символах и их значении, перечисленные злаки использовались в гаданиях, подблюдных песнях, колядках: «Ой, на горі ячмінь, / А в долині просо, / Просила Марія: — / Розплетіт мені косу»; «Сею, сею просо на девичью косу»; «Хоронили мы золото. . . / Упало. . . / В мак да во мак»; «А ясён, красён / Маковый цветок». ²⁷ «Сеянием» льняного / конопляного семени гадали девушки о женихе на пятой неделе Великого поста (Андреев день) в Полесье, ²⁸ а в Поволжье на Новый год выкидывали лен из риги, чтобы не остаться «в девках», ²⁹ и, как говорили в западнорусских областях, не получить оскорбительного прозвища *девоцький король*. ³⁰

Сжиганием льна в свадебном обряде (в частности, на голове у невесты при посадке) и льняной кудели из девичьих прялок на вечеринке (парни) ³¹ символизировали реальный или мнимый конец девичества. Об этом же недвусмысленно говорится в свадебной припевке из Орловской губ., исполнявшейся, «когда молодых кладут спать»: «А мы зажгём лён, лён, / А девушек вон, вон!» ³²

В игровых песнях все четыре культуры сеют сами девушки — группой или в одиночку; мак и коноплю может сеять некто мужского пола — *старик*, *Ермак*, несомненно представляющий фигуру какого-то «сакрального сеятеля», поскольку оба злака, обладающие наркотическими свойствами, по мифологическим представлениям, должны

были находиться в ведении высших сил. (Кстати, как мы увидим далее, сеяние этих культур для девушки небезопасно). Образ сеятеля-старика наиболее характерен для русской и белорусской традиции: «Старик, поспел ли мак?», «Ермак, поспел ли мак?»;³³ «Старенький дедка сеет коноплю», «Старенький дядька, / По огороду ходя. . . / Конопельку сея».³⁴

Полевые цветы (травы) сеют либо сами девушки, либо они «зарождаются» свыше; одним из мифологических образов «сеятеля» выступает орел, но он — только «исполнитель», так как результат сеяния зависит не от него: на первом поле орел посеял пшеничку — «зародил Бог травичку», на втором поле все произошло наоборот.³⁵ Отсутствует образ сеятеля в запеве широко распространенной русской свадебной песни «Цветы (вариант: семена). . . / Вас много было посеяно, / Немного уродилось».³⁶ (Существует вариант обратной формулы: посеяно немного — уродилось много). К этому примеру мы еще вернемся.

Поскольку на реальном (бытовом) и мифологическом уровнях сеяние — функция мужская, постольку девичье сеяние — особый ритуально-символический акт перехода в группу совершеннолетних, начало обучения и испытаний. Групповое обучение — условие успеха «переходной науки», долженствующей привести к нормальному, по традиционным меркам, статусу невесты и браку. Последнее чрезвычайно важно не только для самой невесты, но и для преемственности совершеннолетия как такового. Откуда это следует?

В одной из своих статей мы уже говорили, исходя из анализа семантики вещественных, вербальных и действенных компонентов восточнославянской свадебной обрядности, о «сеянии красоты» невесты — олицетворении девичьего «Я» — как сеянии новых девичьих «Я» («душ»).³⁷ Сеяния происходило при расчесывании волос невесты, уподоблявшихся просяному, льняному, но чаще — маковому зернышку / семени; безупречное поведение девушки в пору совершеннолетия, идеальным подтверждением которого являлся брак по любви, символизировали сеяние в саду и густые всходы: «Ой, як пойду я та за милого, / То ти, красота, да посходь рясна».³⁸ Сеяние невесты — одно из ключевых звеньев в статусе совершеннолетия, до которого была обязана дорасти каждая девушка, ибо через него осуществлялась непрерывность круговорота

молодости, воспроизводство стадии совершеннолетия. С этой точки зрения образ невесты как «сакрального сеятеля», способного зарожать множество, вырастает иногда до космических размеров: например, по белорусским поверьям, отраженным в свадебном фольклоре, невеста сеет молодые «души» обоюго пола: «Ехала Марынка з-пад вінца, / Сеіла чорын мак з рукаўца», «Узыдзі... чоран мак... / Усходам зялёным [братья], / Зацвіці цветам чырвоным [сестры], / Залатой макаўкай узрасці [жених]». ³⁹ Этот факт дает нам основания предположить, что неизвестным сеятелем цветов / семян в вышеприведенной русской свадебной песне с формулой «немало / мало посеяно — немного / много уродилось», могла быть невеста.

Принципиальное значение при девичьем сеянии (групповом и индивидуальном) имело направление движения, в первую очередь по или против (солнца). Найденные нами пока единичные вербальные указания на эти действия в игровых песнях осмысляются на фоне обрядовой семантики движения, в том числе и в игровых комплексах. Интерпретация в последних начинается с терминологии построения и хореографических рисунков весенних шествий и хороводов: в названиях содержалась семантика пространственного перемещения в простых или сложных фигурах. Так, шествия *Улица* или *Стрела* происходили по прямой, *Веревка* или *Плетень* — извивами, при игре в *Столбы* стояли на одном месте и т. д. В течение весны направление и рисунки движения менялись, сообщая на своем «языке» об изменениях в природном мире и поведении участников игр. Движение по солнцу было характерно для первых весенних выходов девушек на улицу селения; сочетание движения по и против (солнца) наблюдается в играх рядами навстречу друг другу, причем ряд, начинающий игру и запевающий песню, в которой назывались участницы — *мы / девицы* — всегда двигался по солнцу (*Роца, Просо, Бояра*). Известно, что во многих хороводных играх, с участием парней или без них, круг / ряд мог менять направление даже в течение одной песни в соответствии с ее содержанием, т. е. смыслом игры. Если хоровод состоял из двух кругов, то они двигались либо вместе *пóсолонь*, либо в разных направлениях (например, один из белорусских вариантов *Просо*).⁴ Так, в игре *Хожу я гуляю вдоль по короводу «жених»* набирал «невесту с родней» во внутренний круг,

который двигался против солнца, в отличие от большего, внешнего круга, двигавшегося по солнцу. Обрядовая семантика движения по / против (солнца) раскрывается в оппозициях светлый — темный, чистый — нечистый, жизненный — нежизненный. Действия против солнца отмечали различные переходные ситуации (свадьба, похороны, болезнь) и отражались в сопутствующих магических текстах (заговоры, гадания и пр.); в хороводе движение против солнца сопровождалось печальными, грустными песнями, напев которых (и, в целом, игра) в южнославянском *коло*, например, назывался *жалостивно* или *мртвачко*.⁴¹ Имея в виду все сказанное, приведем теперь объяснение хороводного движения жителями Костромской обл.: «По солнцу засеваешься, а рассеваешься против солнца».⁴² Таким образом, понятия *з а с е в а т ь (с я)* — *р а с с е в а т ь (с я)* составляют в растительной символике игры антиномию, определяющую различные состояния возраста совершеннолетия. Думается, что если засев / сеяние обозначает появление («рождение») девушек, то рассеивание — их брак («смерть»); для подтверждения нашей гипотезы приведем один пример: «У нашей у свахоньки семь сох пашут, / Восьмая борона просо р а с с е в а е т» (выдает девушек замуж).⁴³ В ритуальном контексте оба термина составляют семантическое единство: вспомним предание о «трех семенах» — человеческом, животном и растительном, в котором «оставить на семена» употреблялось в значении «оставить в живых».⁴⁴ Дополнением к этим понятиям была оппозиция *з а в и в а т ь* — *р а з в и в а т ь* в игре *Капуста* (наборная хороводная): завивание (по солнцу) говорило о замкнутости (закрытости) девичьей группы, ее девственности, развивание происходило против солнца и символизировало готовность к любовным отношениям (ср. другую метафорическую пару с тем же значением: *з а п л е т а т ь* — *р а с п л е т а т ь* — обряд с косой невесты, наборная хороводная игра *Плетень*).

Сами девушки должны строго соблюдать и не путать правила засева — рассеивания, избегать беспорядочного движения: иначе возникают непредвиденные ситуации (вырастает не то, что посеяли), озадаченность, нарушается монолитность группы (в нее проникают «чужие»), девушка остается наедине с «дружком» (и может потерять невинность). Например: «Сею, вею, посеваю коношешку. / Н а з а д у постою, н а п е р ё д зайду»: эта фра-

за повторяется 5 раз, а весь текст — 3 раза, больше ничего не происходит → похоже, девушка «запуталась»; ⁴⁵ «А у нас (у девушек. — Т. Б.) в огороде ни хмель, ни капуста. . . / Пахучая мята. . . / Потерта, помята»: помяли парни. ⁴⁶ Характерно, что в данных песнях неправильность движения связана с сеянием опасных для девушек растений — конопли, хмеля, капусты. Однако беспорядочность может произойти и при сеянии «девичьих» культур, например льна: «Против солнца (фраза повторяется 5 раз), / На востоке. . . / Сею-вею белый леночек»: девушка (молодица) недоумевает «с кем брать?» → вызываются «чужие» девичьей группе мать / свекровь, отец / свекор, милый / муж. (Песня с этим сюжетом очень популярна, но в ней часто отсутствует зачин неверного движения сеяния). ⁴⁷

Ритуальное значение девичьего сеяния дополнительно подтверждает немотивированность сеяния парнями. Не случайно, когда они берутся за это дело, особенно в одиночку, ничего хорошего у них не получается, поскольку все делается неправильно: «Посею я конопельку не на паханой земельке» ⁴⁸: на конопле сидит пташка и жалобно поет → зачем было жениться? Сеяние льна / конопли в «темном лесе» вызывает измену, ⁴⁹ рамон он не сеет, а рассеивает, т. е. готов к браку, но устроить его некому — «сестра мала, мать стара». ⁵⁰ Самозарождение растений, без девичьего участия, плохо отражается на судьбе молодца: «Не сея мши, братцы, не пахамши, / Ох, за в радил ся белый лен»: молодцу не повезло с женой. ⁵¹

Перейдем к системе правил сеяния/роста злаков, отклонения от которых могли привести к негативным последствиям.

1. Сеяние должно происходить вовремя и в определенном месте.

а) В игровых песнях прямо не сообщается о точном времени и сеяния злаков. Думается, об этом должно было, в первую очередь, говорить приурочение песен с соответствующими образами растений ко времени их реального сеяния, что в поздней деформированной игровой культуре проследить не так-то просто: все известные нам игровые комплексы «сеяния» исполнялись от Благовещенья (*Просо*) до петровского заговенья и могли повторяться в посиделочный период. Мак сеяли рано, так как он долго всходит; только посев льна/конопли

на Троицко-семицкой неделе совпадал по времени с троицким пиком игровой темы «девичья воля»: происходит консолидация девушек (троицкие обряды), их противостояние мужскому началу (до агрессивности), воспевается свободное поведение и стремление удержать девственность — до нежелания замужества. Главным символом девичьей воли у русских выступает береза (у белорусов и украинцев — венок): «А рошша моя березовая.../Стой, не расцветай,/Карагодец мой, стой, не расходишь». ⁵²

Одним из ритуальных обозначений сакрального времени девичьего совершеннолетия является термин «рано». В восточнославянском обрядовом контексте он употреблялся в двух оппозиционных значениях: своевременно (например, свадебные песни с запевом «раным-рано») и преждевременно (похоронные причитания). Термин «рано» обозначал также любое начало времени (суток, годового сезона, года), которое на ритуальном языке говорило о рождении/начале жизни, в социальном аспекте — о переходе, новом качестве. Не случайно в сербском календаре обряд *Рано* (*Ранило*), происходивший от 9 марта до лазаревской субботы был либо только девичьим, либо сельским, но в последнем случае девушки всегда были ведущей группой, созывавшей односельчан и объявляющей песнями о начале нового года. ⁵³ В песнях с древесными образами «рано» символизирует опасность нарушения сроков девичьего роста-созревания: девушка еще ничему не научилась, а ее отдают замуж — по неволе, на чужую сторону, ранняя любовь кончается грехом или брак приносит горе. В качестве примеров приводим две широко известные русские народные песни: «Что же ты, черемуха (рябина, калина с малиной), рано расцветела?/На ту пору-времечко мати дочку родила.../Не собравшись разумом,/Дочку замуж выдала»; «Уж ты сад, ты мой сад.../Ты зачем рано цветешь, рассыпашься»: милый уезжает далеко. ⁵⁴ Важность своевременного процесса роста составляет содержание игры *Мак*: вопрос-рефрен девушек «Поспел ли мак» как бы выражает их неопытность, а «сеятель(и)» терпеливо объясняет, как проходят все последовательные этапы и что надо делать: вспахать поле, посеять, прополоть всходы, мак цветет, мак поспел — собрать и потеревить его; на Гомельщине при последнем вопросе «пора колотить?» девушка в центре круга отвечает «пора» и убегает, группа

бросается за ней.⁵⁵ В украинской игре поспешность девушек обуздывается припевом: «Станьте ви в ряд, / Тут буде мак».⁵⁶ Видимо, о времени сеяния (рождения) девушек ранней весной говорят южнорусские народные названия игр *Просо* и *Мак*: *выкликать (Просо)* и *заигрывать весну (Мак)*.⁵⁷ Оба названия определяют границы ранней весны, от закличек (благовещенские призывы) до поры ее окончательного установления (Пасха), совершеннолетия — «времени игры».

б) Более прямые сведения можно получить из игровых песен о неположенных местах и последствиях сеяния-произрастания на них. Если «полоска моя. . . не у места досталася»,⁵⁸ растение будет испорчено — стихиями, птицами, животными, человеком; урожай не соберут → девушка «потеряет себя»; милый бросит; возникает угроза нормальному выходу замуж. Какие же места предстают особо опасными? Лес (дерево, пень), река («на берегу, «за водою»), гора (под/на), долина («желтые пески»), дорога/межа («при толкú»). В качестве примеров приводим самые распространенные сюжеты русских хороводных песен, аналогии которым имеются в украинском и белорусском фольклоре.

Мак. «Я посею мак. . . / Коло пеньки (пня). / Прилетели пташки / Воробейки, / Поклевали мак».⁵⁹ Есть варианты этого сюжета, где мотив «неправильно» выбранного места отсутствует, но потрава существует, например: «Да як сел воробей / Да й на маковку, — / Весь мак подолбал»: Иван дал за Марью «три копочки сена» → ложный свадебный выкуп;⁶⁰ «На маковке соловей, / Он весь мак притолок».⁶¹

Лен. Лен — самый популярный образ игровых песен с «сеянием». «Посеяли девки лен» («в темном лесу», «во долу», «на самую на гору», «в огороде в уголку» и т. д.): в лен повадился воробей (соколок-паренек), срывает цветы и бросает в Дунай → Дунай «не принимает»,⁶² т. е. отказывается выполнять свою функцию «свата».⁶³ Краткие варианты этого сюжета ограничиваются лишь указанием на опасное место и горе от него, например: «Посеяли девки лены на горé»: милый уехал, счастья-доли нет;⁶⁴ «Ой, зялён мой лён. . . / Да пры мяжы стоячи. . . / Не дадуць даспяліці»: рано отдадут замуж, не дадут догулять-доучиться.⁶⁵

Конопля. Всегда несчастливо/греховно для девушки сеяние конопли, и она всегда посеяна/растет как бы

не на месте: «Конопля зеленая моя!/Что же ты не в е с е л о стоишь? — /Снизу меня. . . водой подмыло,/Поперек меня. . ./Бурей сломило. . ./Сверху. . ./Воробьи клюют»: мачеха подстригает падчерицу в черницы;⁶⁶ «Засею я лён, лён, канпелькі»: их склевал воробей→девушка остается одна с сыном;⁶⁷ «Не тропка тропится, конопельче л о м і т с я»: кто-то ходит к девушке.⁶⁸ Воробей — постоянный охотник до конопли, сманивает девушку на грех: «Ах ты, воробей!/Ах ты, семинічек,/Ах ты, к о н о п л я н ы ч е к»; «Конопель воробей тащит,/Конопля т р е щ и т»; «Сею, сею, р а с с е в а ю конопелюшку»; прилетел воробей — «целоваться не робей»: рассеивает, т. е. готова к брачным отношениям (незаконным).⁶⁹ Уместно сравнить воробья с парнем-волокутой, которого называли «коноплянником»: «его дело по коноплям вешаться» (поволж., южнорус.).⁷⁰ Несколько слов о символике воробья. В подблюдных гаданиях и свадебном фольклоре он сулит брак/замужество на ч у ж о й стороне (плохо): «Сидит воробей на чужой гарадьбе (варианты: Беле-городе, перегороде/перёклете, на Новом городе), глядит на чужу сторону»⁷¹ (гадания); «Залетел воробей на чужу сторонку», «Воробей — отлётная пташечка» (сюжет с обоими зачинами один).⁷² По нашему мнению, в игровых образах воробья/чижика (или зайца) чаще персонифицировано эротическое начало мужской природы, со свойствами, присущими этим птицам (и животному) — быстрота реакции, непостоянство, по-псковски, *верту-честь*, в значении игривость, ветреность, легкомыслие: парень-вертун.⁷³

Если девушки сеяли лен не так, как полагается, — не в ту сторону, не на том месте, — или плохо следили за ним, вырастали мак или конопля, т. е. более «греховные» злаки: «Посеяли девки лён в о д о л ы — уродился мак»: парень срывает цветы; «Посеяли девки лен — / Уродились конопля, / Как во эти конопля / Повадились воробьи.»⁷⁴ Интересно, что мы не нашли игровых сюжетов неправильного сеяния проса.

В дополнение укажем, что место было важным условием нормального состояния и поведения девушки, выраженное и в символике полевых цветов/деревьев; например: «Не стой (вариант: не расти) верба/береза во ржи — расти н а м е ж и»: иначе соловей гнезда не совет→девушка одинока, не имеет возлюбленного;⁷⁵ «К р а й д о р о ж е н ь к и береза (черемуха) заломанная стоит»;

«Калина, чья рута завадою.../Зарасла яна лебядою»: милый покинул; «Засею я.../Чисто поле на кургане.../Васильками»; «Сеяла ироман по горам»: милый все вытоптал; «Посею я рамону.../Пры дарозе»: любит молодого — достается в жены старому.⁷⁶

2. Посеянное требует тщательного наблюдения и ухода, этому надо учиться. О «неопытности» девушек в игре *Мак* мы уже говорили. Энергичное противостояние любым попыткам порчи (подмены) и процесс обучения сбору и обработке урожая составляют содержание песенных игр *Просо* и *Лён*. В первой игре посеянному просу грозит вытаптывание конями — символика преждевременной (т. е. внебрачной) любовной связи (в одном белорусском варианте противостоящая девушкам партия сразу предлагает вместо девушки молодца).⁷⁷ Когда девушки проходят это испытание, им устраивают следующее: сулят деньги и любого члена взрослого коллектива (иногда даже деда и бабуку). Полученную новую девушку отдавшая ее партия хаёт — «дурочка, не пряха, не ткаха», девичья группа отвечает, что новенькую «всему научат». В игре *Лён* перечисляются различные этапы сеяния — роста — сбора льна; обобщение песенно-игровых вариантов с этим сюжетом разделяет их на две группы: либо весь процесс заканчивается прядением,⁷⁸ либо ткачеством и даже — шитьем.⁷⁹ Положительная для девушки семантика игрового текста *Лён* — полнота и успех обучения на полезном злаке — выражена (и закреплена) в заклинательной форме припева «удайся ленок — полюбись дружок», а также в акциональной символической во время сеяния — «чеботами приколачивала»: пристукивание ногами и подскоки в хороводной игре означали «любовь». (О семантической связи прядения-ткачества и способности к любовной игре мы говорили в специальной работе).⁸⁰

Стержневой мотив обучения в играх *Мак*, *Просо*, *Лён* ставит закономерный вопрос: кто учитель? Песенно-игровые варианты содержат различные образы «учителей» как внутри группы испытуемых, так и испытующих: старик (*Мак*), мать (*Лён*),⁸¹ молодежи, парни или взрослый коллектив общины (*Просо*), две-четыре девушки (*Мак*),⁸² одна девушка (*Лён*). Эту совокупность можно выстроить в мифолого-ритуальный ряд: сакральный учитель (и производитель), прошедшие переход (молодицы), участники одного из этапов перехода (парни), старшие — руководительницы в девичьей группе, к которым, возмож-

но, относится и образ «матери» (о возрастной символике этого образа в игровом фольклоре мы упоминали в одной из статей),⁸³ вся девичья группа, взрослые односельчане. Об эволюции этого ряда судить трудно, но его иерархичность свидетельствует о том, что поздний материал донес до нас представления о переходных обрядах как событии космосоциального порядка.

Неподчинение дисциплине (или отсутствие учителей?) вело к немотивированному поведению и пагубным последствиям. Во-первых, девушки не знают, что и где надо сеять и собирать: «Посею лебеду на берегу»: девушка сеет сорняк→гуляет и целуется; «В огороде, во саду/Берет девка лебеду»: девушка собирает сорняк→меняет дружков.⁸⁴ Уход за посеянным ведется небрежно или не ведется вовсе: «Посеяли девки лен,/Пололи — белы р у к и к о л о л и»: парень срывает цветы или конь топчет посевы; «Ой, чей-то лён/Да неполеный?»: посеянное зарастает сорняком-бурьяном→милый покинул (или девушка «гуляет»)⁸⁵ Из других вариантов игровых песен с теми же или близкими сюжетами явствует, что уход за всходами, в частности прополка, требует специального покрытия р у к и н о г: «Девка просо полет,/Белы руки колет»: парень предлагает ей рукавицы→засылает сватов; «Ай, рана, рана / На лен роса пала»: девушка вышла в поле босая, милый покупает черевички→берет замуж.⁸⁶ (Возрастная символизация рук и ног отразилась в свадебном обряде: «долгорукавки» невесты, пеленания рук невесты и жениха, дарение невесте обуви от жениха и пр.). Непокрытость этих частей тела либо неоправданные движения ими особенно опасны при выходе/гулянии в диком пространстве: «Гуляла я, девица.../Наколола ноженьку на былинку»: милый покинул; «По горам девки гуляли,/Чеботом траву топтали,/Рукавом цветы ломали»: девушка не слушается отца-матери, своевольничает.⁸⁷ Примеры неопытного/недисциплинированного поведения иногда сочетаются в одном сюжете, что символизирует невыполнение всего необходимого набора правил, даже если в других песенных вариантах упомянут лишь один случай. Сведем все примеры неправильного поведения воедино: девушка сеет сорняк; сеет/собирает слишком «рано» и не на месте — сорняк в саду/огороде, злак — у воды, на горе, в лесу, при дороге; сеет/сажает «опасные» культуры — овощи; не следит за собой — игнорирует запреты (одежда), забывает о посеянном. Этот

комплекс в игровой символике имел двойное значение: в сугубо девичьем хороводе он использовался, так сказать, в воспитательных целях, т. е. предупреждал девушек, что их ожидает в случаях уклонения от предписанного ритуального поведения; в смешанном хороводе нарушении некоторых правил было необходимо для любовной игры с парнями.

Но вот девушка благополучно прошла все испытания совершеннолетия до последнего рубежа — вступления в брак. Независимо от реальной и ритуальной дозволенности добрачной половой связи (вопрос этот остается пока дискуссионным) в свадебном обряде довенчального цикла главным содержанием является непорочность невесты и подготовка ее к инициации. При этом всегда табуируется реальная степень ее зрелости и невеста представляется девушкой, только вступившей в пору совершеннолетия: «Уж как я, зеленёшенька,/ Несозрелая ягодка,/ Не наливчатый яблочек»; «Что я не исполнивши ростом полная,/ Как травинушка я недорослая,/ Не скопившая смогутной силы»; «Земляничка. . . недоспела, недозрела»; «Маковка нерасцветенная».⁸⁸ Смертные мотивы, пронизывающие тему невесты, отразились и в символике загубленного (испорченного, сломанного, грустного) растения в самом начале его роста/расцвета: «Недозрелую калинушку нельзя заломить,/ Недоросшую девушку нельзя замуж взять» (очень распространенная песня); «Черная ягода, смородина!/ Зелена она заломана. . ./ Всѣ конями притоптана»; «У нас во садочке. . ./ Кто мяточку сеял? — Катерина. . ./ Кто мяточку притоптал? — /Иванович»; «Все сады стоят веселёшеньки,/ Один сад стоит припечаливши».⁸⁹ Добавим также широко известный у русских зачин свадебной песни (или причети), в котором невеста, уходя из дома, заламывает верхушку садового дерева: «Стой, моя береза/ верба/ груша без верха». Ритуальная функция жениха — завершить процесс перехода — созревания, роста: «Недоспелая маковка, Где будешь доспевать? . ./ Умилого на руке»; «Дорости княгине за мной, молодцом».⁹⁰

* * *

В заключение остановимся на некоторых важных моментах в реальном (бытовом) поведении совершеннолетней молодежи, отразившихся в проанализированной нами растительной метафорической системе.

По народным представлениям, в пору совершеннолетия молодежь обладала качествами, более связывающими ее с космобиологическим, нежели с социальным миром. «Дикие» (незрелые, неуравновешенные) психические свойства этого возраста требовали изоляции группы во время ее досуга и развлечений. В весенне-летний период местами сбора и гуляний молодежи были: поле, берег, лесная поляна, возвышенности («горушки»), выгон; осенне-зимняя посиделка собиралась в окраинной избе, обычно у социально неполноценных членов общины (вдова, солдатка, бобыль, старики), а также в различных «нечистых» помещениях — бане, амбаре, гумне и т. п. На Севере существовало поверье, что сдать избу для вечеринки — значит пустить «нечистую силу».⁹¹ Лишь ранневесенние шествия (гуляния) и святочные беседы девушек происходили в центре села (улица) и вблизи его главных сакральных мест — у церкви, на кладбище; эти пространства маркировали начало и конец годового цикла девичьего совершеннолетия, чистоту (и высоту) их ритуального статуса.

Игра молодежи требовала от девушки комбинации противоречивых правил поведения; это было постоянное балансирование между обязанностью сохранить свое достоинство и непорочность («сад») и владением раскованной манерой общения с парнями в качестве игрольщицы. Опасность перехода «границ» была высока, так как в нормы игры входили ласки, объятия, поцелуи, совместные ночевки и т. п. («дикое» поведение). Неискусные в игре или недотроги презирались не только парнями, но девичьей группой,⁹² награждались обидными прозвищами, например *обсевок*,⁹³ в крайних случаях — изгонялись из молодежной среды, что грозило им статусом «старой девы». В свою очередь и девушки сторонились парней, которые не обладали ухарской, разбитной манерой ухаживания, умением «забавляться».⁹⁴ Атмосфера молодежных сборищ была для девушки большим испытанием: «любовная игра» в контексте переходных обрядов имела свою условность, но открывала доступ подлинным чувствам и зачастую приводила к трагедии, так как игровой партнер девушки редко становился ее мужем, ибо для брака требовались совершенно иные качества.

¹ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 1. Спб., 1898. № 453, хороводная с зачином «Улица да моя улица»; № 454 — вариант с зачином «У ворот, воротничков». Курская губ. (Фатежск. у.); Орл. губ. (Малоарханг. у.). (Далее: *Шейн. Великорусс*).

² Архив Гос. музея этнографии народов СССР. Этногр. бюро кн. Тенишева, ф. 7, оп. 1 (далее *ГМЭ*), д. 126, л. 152; д. 201, л. 1—3; д. 292, л. 29—30; д. 347, л. 12—14. Волог., Грязовец., Никольск., Тотемск. уезды Волог. губ.; Там же, д. 59, л. 2. Владим. губ. (Шуйск. у.); *Куликовский Г.* Словарь областного олонцецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1899. С. 31.

³ Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л., 1970. № 439, последний день пасхи. Саратов. губ. (Далее: *ПКП*).

⁴ *ГМЭ*, д. 1057, л. 1—3 об. Орл. губ. и у.; д. 1431, л. 3—4. Рязан. губ. (Зарайск. у.); д. 1735, л. 4. Тул. губ. (Епифановск. у.).

⁵ *Земцовский И. И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975. С. 101—110.

⁶ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязан. р-на Рязан. обл.). М., 1969. С. 498.

⁷ *Бернштам Т. А.* Обряд «расставания с красотой»: (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 50. (Сб. МАЭ; № 38).

⁸ Песни, собран. П. В. Киреевским. Н. С. Вып. 1: Песни обрядовые. М., 1911. № 1112—1113, круговая. Арханг. губ. (Далее: *Кир.*).

⁹ *Кир.* № 1116. Арханг. губ.; Всесоюзный архив Географического общества (далее: *ВГО*). Р. 1, № 53, л. 8 об. — 11 об., первые гуляния. Арханг. губ. (Мезенск. у.).

¹⁰ Українські народні пісні в записях Софії Тобілевич. Київ, 1982. С. 43, веснянка. (Далее: *Укр. пісні*).

¹¹ Хороводные и игровые песни Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф. Ф. Болонева, М. Н. Мельникова. Новосибирск, 1985. № 130, игровая. Выходцы из Украины. (Далее: *Песни Сибири III*).

¹² Там же. № 498, купальская. Выходцы из Могилев. губ.

¹³ Угличские народные песни: Из новых записей русских народных песен / Сост.-ред. И. И. Земцовский. М., 1974. № 71—71а. (Далее: *Песни угличские*).

¹⁴ Библиографический указатель материалов фольклорного архива каф. русской литературы Горьковского ун-та (далее: *БУ*). Вып. IV. Хороводно-игровые, плясовые и сатирические песни и припевки / Сост. К. Е. Корелова, Ф. С. Эйдельман. Горький, 1981. № 95 и 96. Горьк. обл. (6 районов) (далее: *БУ 1981*); *Песни Сибири III*. № 188—192. Выходцы из Украины, Рязан. губ.; см. также: *Шейн. Великорусс*. № 544—547. Тул., Новг., Смол. губ.

¹⁵ Пісні Поділля: Записи Насі Присяжнюк в селі Погребище. 1920—1970 рр. Київ, 1976. С. 165, свадебная. (Далее: *Пісні Поділля*); *Песни Сибири III*. № 15, хороводная. Выходцы из Белоруссии.

¹⁶ *БУ 1981*. № 99, плясовая. Горьк. и Ульянов. обл.; Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф. Ф. Болонева, М. Н. Мельникова. Новосибирск, 1981. № 289, масленичная. (Далее: *Песни Сибири II*); *БУ 1981*. № 5, игровая. Горьк. обл., см. также: *Шейн Великорусс*. № 348—352. Тул., Новг., Вят., Орл. губ.

¹⁷ Термин *роща* употреблялся и в быту и в фольклоре: «Стой,

моя роща. . ./Стой, мил короводец» (*Шейн. Великорус.* № 1243, трюцкая. Тул. губ.; *Песни Сибири III.* № 36, хороводная. Выходцы из Калуж. губ. В Сибири рощами назывались возрастные группы обоого пола — подростки, совершеннолетние, молодежь разных *концов* (частей) деревни (*Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири: XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск, 1975. С. 327). В Европейской России *рощи* разделялись на девичьи и молодичные (напр.: *ГМЭ*, д. 175, л. 18. Волог. губ. (Грязовецк. у.). О *кусте* см.: *Китова С. А.* «Водіння куста» на Поліссі // Народна творчість та етнографія. 1972. № 3. С. 67—73.

¹⁸ Цветовая символика и вещественная растительная атрибутика свадьбы и праздничных гуляний молодежи — скорее обобщенный символ пика молодости-цветения.

¹⁹ *Кир.*, № 1066, святочная (запись старая); *Песни Сибири III.* № 11, игровая; *Шейн. Великорусс.* № 1072, святочная. Псков. губ.

²⁰ *БУ 1981.* № 196, плясовая. Горьк. обл. (5 районов); *Кир.*, № 405, свадебная. Тул. губ. (Чернск. у.); № 550, свадебная, Орл. губ. (Мценск. у.); № 643, хороводная. Орл. губ. (Малоарханг. у.); Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья/Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. Л., 1985, № 371, семицкая. Нерехотский р-н. (Далее: *Фольклор Поволжья*).

²¹ Беларускі фальклор: Хрэстаматыя. Мінск, 1977. С. 266, свадебная. (Далее: *БФ*).

²² *Песни Сибири III.* № 128, проходочная. Новосибир. обл.; *ВГО*, р. 7, № 56, л. 15 об. — 16, круговая. Волог. губ. (Сольвычегодск. у.).

²³ *Песни Сибири III.* № 218; *БУ 1981.* № 109, игровая. Арзамас, Ветлуж. р-ны; *Песни Сибири III.* № 123, проходочная. Краснодар. край; № 295. Выходцы из Калуж. губ.

²⁴ *Кир.*, № 535, свадебная. Орл. губ. (Мценск. у.); № 653, хороводная. Орл. губ. (Малоарханг. у.).

²⁵ *БФ*. С. 170, петровская.

²⁶ Там же. С. 574—575, бытовая; Русские свадебные песни Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск, 1979. № 76, 193—196. (Далее: *Песни Сибири I*).

²⁷ *Укр. пісні.* С. 74—75; *ПКП.* № 102. Перм. губ. (Камышловск. у.). Запись XIX в. Наиболее частый вариант: золото упало в калину-малину, смородину; Там же. № 66. Брянщина; *БУ 1977.* № 97. Горьк. обл.

²⁸ *Толстая С. М.* Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю (А — Г) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 184. См. также: *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина. М., 1877. С. 8.

²⁹ *Фольклор Поволжья.* № 47. Калинин. обл. (Андреапольск. р-н).

³⁰ *Крачковский Ю. Ф.* Быт. . . С. 10.

³¹ *ГМЭ*, д. 317, л. 41—43. Волог. губ. (Сольвычегодск. у.); д. 739, л. 4. Новгород. губ. (Тихвин. у.); д. 718, л. 2об. — 4. Новгород. губ. (Череповец. у.), и др.

³² *Кир.*, № 578. Малоарханг. у.

³³ *Шейн. Великорусс.* № 277, детская игра. Курск. губ.; Там же. № 276. Костр. губ.; Традиционный фольклор Новгородской области: По записям 1963—1976 гг. Песни; Причитания/Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. № 133, хороводная. Демянск. р-н. (Далее: *ТФН*); *ВГО*. р. 42, № 17, л. 5. Тул. губ. (Чернск. у.); Отдел редких рукописей Библиотеки АН СССР. 45.8.256. (Далее: *ОРРК*): *Калинин И.* Песни онежан. Тетр. 2, № 140.

³⁴ БФ. С. 594, плясовая; ПКП. № 615, русальная. Брян. обл.

³⁵ Шейн. Великорусс. № 1184, веснянка. Смол. губ. (Дорогобужск. у.).

³⁶ Там же. № 1514. Волог. губ. (Грязовецк. у.); Кир. № 119. Новгород. губ.; № 236. Костр. губ.; № 327. Моск. губ.; № 659. Орл. губ.; Русские народные песни Вологодской области/Сост., вступ. ст., коммент. М. Бонфельда. Вологда, 1973, № 8. (Далее: *Песни вологодские*); *Фольклор Поволжья*. № 582. Яросл. обл.; *Песни Сибири I*. № 237, и др.

³⁷ Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой». С. 58, примеч. 49.

³⁸ Там же.

³⁹ *Мажэйка З. Я.* Песні Беларускага Пазер'я. Мінск, 1981. № 146 (12), свадебная. (Далее: *Мажэйка*); Вяселле. Абрад. Мінск, 1978. С. 255. (Далее: *Вяселле*); БФ. С. 287 (взято: Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Спб., 1887. Т. 1, ч. 2. С. 13—40).

⁴⁰ Гомельские народные песни (белорусские и малорусские)/Зап. З. Радченко // Зап. РГО по отд. этнографии. Спб., 1888. Т. XIII, вып. II, № 1, таночная-великобдная. (Далее: *Радченко*).

⁴¹ *Допћа Ј.* Обредне игре у народном стваралаштву Босне и Херцеговине // Народно стваралаштво: Folklor. Г. XXI. Св. 81. 1982. С. 33.

⁴² *Фольклор Поволжья*. № 78, Шарьин. р-н.

⁴³ БУ. Вып. II. Обряды и обрядовая поэзия. Ч. III: Свадебная поэзия. Похоронный и рекрутский обряды/Сост. К. Е. Корепова, Т. М. Волкова. Горький, 1980. № 138. (Далее: *БУ 1980*).

⁴⁴ *Буслаев Ф.* Русская народная поэзия. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Спб., 1861. Т. 1, разд. II. С. 99.

⁴⁵ *Песни Сибири II*. № 457, семицко-троицкая. Новосибир. обл.

⁴⁶ *Песни Сибири III*. № 202, хороводная. Выходцы из Смол. губ.

⁴⁷ Там же. № 184, хороводная; № 185; *Кир*. № 1134, плясовая. Перм. губ. (Чердынь); ПКП, № 446, 447. Смол. губ.; Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского / Зап., сост. и коммент. И. Земцовского. Л., 1967. № 67; БФ. С. 218, осенняя, и др.

⁴⁸ *Песни Сибири III*. № 186, хороводная. Выходцы из Смол. губ.

⁴⁹ Русская народная поэзия: Лирическая поэзия/Сост., подгот. текста, предисл. к разделам, коммент. Ал. Горелова. Л., 1984. № 122, игровая. Тул. губ. (Далее: *Лирическая поэзия*).

⁵⁰ См. примеч. 24.

⁵¹ Шейн. Великорусс. № 792, беседная. Екатериносл. губ. (Александр. у.).

⁵² *Песни Сибири III*. № 36, хороводная. Выходцы из Калуж. губ.

⁵³ *Милићевић М.* Живот срба селяка // Српски етнограф. зб. (Далее: *СЕЗ*). Београд, 1894. Књ. 1. С. 95—96; *Мијатовић С. М.* Обучаји српског народа из Левча и Темнића. Књ. I // *СЕЗ*. Књ. 7. Београд, 1907. С. 153—154; *Грбић С. М.* Српски народни обичаји // *СЕЗ*. Књ. 4. Београд, 1909, с. 34—35.

⁵⁴ Песни известны во множестве записей.

⁵⁵ *Радченко*. № 18.

⁵⁶ *Пісні Поділля*. С. 58—59. См. также вопросы — ответы в русских играх (*Шейн. Великорусс.* № 276—277; *ТНФ*. № 133; Песни крестьян села Беловожского Чебоксарского уезда Казанской губернии/В. Магнитский. Казань, 1877, № 8. (Далее: *Магнитский*).

⁵⁷ *Земцовский И. И.* Мелодика... С. 102. Калуж. губ.; *ВГО*, р. 42, № 17, л. 5, Тул. губ. (Чернск. у.).

⁵⁸ *ТФН*. № 156, хороводная. Мошенский р-н.

⁵⁹ ПКП. № 575, троицкая. Псков. губ. (Себежск. у.).

⁶⁰ ПКП. № 688, сенокосная, прополочная, жатвенная. Брянщина.

⁶¹ Шейн. *Великорусс.* № 1917, свадебная. Тул. губ. (Епифановск. у.).

⁶² Сюжет очень широко распространен, например: *Шейн. Велико-русс.* № 430, хороводная. Вят. губ.; № 1229, троицкая. Перм. губ. (Красноуфимск. у.); *Песни Сибири II.* № 438, семицко-троицкая; *ТФН.* № 135, хороводная. Мошенск. р-н. *Песни вологодские.* № 49; *Лирическая поэзия.* № 95. Перм. губ. (Чердынск. у.).

⁶³ *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточно-славянской истории и мифологии // *Русский Север: Пробл. этнографии и фольклора.* Л., 1981. С. 138—143.

⁶⁴ *Песни Сибири III.* № 181, хороводная. Переселенцы из Курска.

⁶⁵ БФ. С. 212, осенняя.

⁶⁶ *Лирическая поэзия.* № 140, хороводная (запись 1820-х гг., место не указано).

⁶⁷ *Мажэйка.* № 64.

⁶⁸ Вологодский фольклор: Народное творчество Сокольского района. Вологда, 1975. № 52, свадебная.

⁶⁹ Шейн. *Великорусс.* № 448, хороводная. Вят. губ.; № 618, плясовая. Новгород. губ. (Демянск. у.); *Песни Сибири III.* № 110, проходочная.

⁷⁰ *Макаров М.* Опыт русского простонародного словотолковника // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1847. Год 3. № 4. С. 112.

⁷¹ *Кир.* № 1074 и 1081. Ряз. губ.; *ТФН.* № 291(4), 292(5); *ПКП.* № 207; *Песни Сибири II.* № 192. Выходцы из Моск. губ.; № 193, Омская обл.

⁷² *Кир.* № 404, свадебная. Тул. губ. (Чернск. у.); № 523, свадебная. Орл. губ. (Мценск. у.).

⁷³ Псковский областной словарь. Л., 1976. Вып. 3. С. 98—99. Воробей всегда зазывает на игрище и любовные утехы (*Кир.* № 1049, святочная. Оренбург. губ. (Бузулукск. у.); *Песни вологодские.* № 65, наборная хороводная, и др.).

⁷⁴ *Кир.* № 1124, плясовая. Перм. губ. (Чердынь); Шейн. *Великорусс.* № 624, плясовая. Твер. губ. (Новоторжск. у.).

⁷⁵ Очень распространенный сюжет; см., напр.: Шейн. *Великорусс.* № 320; *ТФН.* № 190, хороводная и свадебная. Разные районы. О символике соловья в любовных отношениях см.: *Бернштам Т. А.* Орнитоморфная символика у восточных славян // СЭ. 1982. № 1. С. 22—34.

⁷⁶ *Песни Сибири I.* № 22—23, свадебная. Томская обл.; БФ. С. 153, купальская (вариант: *Вясселе.* С. 253 и 324, свадебная); *ПКП.* № 460, юрьевская. Брянщина; *Песни Сибири I.* № 76, 193—196, свадебные; БФ. С. 574—575, бытовая.

⁷⁷ *Мажэйка.* № 221, хороводная. Многозначная символика коня требует специального исследования.

⁷⁸ Шейн. *Великорусс.* № 383. Оренбург. губ.; № 389, Тул. губ.; *Песни Сибири III.* № 178.

⁷⁹ *ТФН.* № 134. Новгород. обл. (3 района); *Песни Сибири III.* № 176 — выходцы из Калуж. губ.; № 177 — из Смол. губ.; № 179—180 — из Украины и Белоруссии; Смоленский этнографический сборник/Сост. В. Н. Добровольский. Ч. IV // Зап. РГО по отд. этнографии. М., 1903. Т. XXVII, № 60. С. 141—143.

⁸⁰ *Бернштам Т. А.* К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // СЭ. 1986. № 6. С. 24—35.

⁸¹ Например: Шейн. *Великорусс.* № 383: «науци, мать».

⁸² *Пісні Поділля*. С. 58—59.

⁸³ *Бернштам Т. А.* Орнитоморфная символика. . . С. 22—34.

⁸⁴ *Песни Сибири III*. № 152, проходочная; *Лирическая поэзия*. № 117. Новгород. губ. (Белозерск. у.).

⁸⁵ *ПКП*. № 449, русальная. Воронеж. губ.; *Песни Сибири III*. № 182, 183, 438, семицко-троицкие; *Песни вологодские*. № 49; *БФ*. С. 594; *Песни Сибири II*. № 502, купальская; *БФ*. С. 153, купальская; *Вяселле*. С. 253 и 324, свадебная; *ПКП*. № 649, купальская. Псков. р-н.

⁸⁶ *Шейн. Великорусс*. № 590, плясовая. Тул. губ. (Епифанов. у.); *Мажэйка*. № 90 (3), жатвенная.

⁸⁷ *Лирическая поэзия*. № 14, хороводная. Новгород. губ.; № 118, хороводная. Перм. губ. (Чердынск. у.). Вариант см.: Там же. № 117. Новгород. губ. (Белозерск. у.).

⁸⁸ *Шейн. Великорусс*. № 1371, причеть. Волог. губ. и у.; № 1645, причеть. Новгород. губ. (Крестецк. у.); *Фольклор Поволжья*. № 924—925. Костр. обл. (Нерехтский р-н); *БУ 1980*. № 208—209.

⁸⁹ *ТФН*. № 50, лирическая; *Песни вологодские*. № 71—74; *Кир*. № 706. Симб. губ. (Сенгилеевск. у.), вариант: № 592. Орл. губ. (Малоарханг. у.); *БУ 1980*. № 107. Горьк. обл.; *Лирика русской свадьбы*/Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973. № 486. Новолдож. р-н.

⁹⁰ *БФ*. С. 210, осенняя; *Шейн. Великорусс*. № 1823, свадебная. Псков. губ.

⁹¹ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1. С. 144. Пинеж. у. (Тр. этногр. отд. ОЛЕАЭ; кн. V, вып. 1).

⁹² *ГМЭ*, ф. 7, д. 395, л. 9. Волог. губ.; д. 558, л. 7. Костр. губ.

⁹³ *Там же*, д. 510, л. 14. Калуж. губ. (Жиздринск. у.).

⁹⁴ *Там же*, д. 1, л. 9. Владим. губ. (Александров. у.).